журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

палантир

№22

MMXII MMXIII

: ᚹᚢᚱᚷᚢᚠᚹᚢᚹ ᚦᚹᚱᚩᚷ ᚦᚹᚱᚩᚷᚱᚩᚱᚩ ᚠᚹᚩᚱ i :

: ᚹᚩᚠᚹᚩᚱ i :

В НОМЕРЕ :

Из писем Толкина. (пер. Золтана и Моргул) 2

Т.ЭЙКИНСКЬЯЛДИ. История одной дискуссии. 7

П.ФЕДОРОВ. Письмо участникам диспута. 10

Т.ШИППИ. Дорога в Средьземелье (фрагмент) . Перевод Марии Каменкович. 21

На последней странице - факсимиле рукописного "The Turin Prose Fragment" (MS. Tolkien S1 (VII) fol.15r), написанного Толкиным письменами Румила. Факсимиле было опубликовано в журнале Vinyar Tengwar 37 (декабрь 1995). .

Palantir®

ПАЛАНТИР

N 22 2000

ЖУРНАЛ
ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали:
Аратанве Эондил, Золтан Бардинг, Моргул, Торин Эйкинскьялди

Наш адрес: 191186 Миллионная 15-13

E-mail: eondil@mail.ru barding@mail.ru 2:5030/1171.35@FidoNet

Наши сайты: http://tolkiensociety.da.ru, http://palantir.da.ru, http://esgaroth.chat.ru, http://www.tolkien.spb.ru

Copyright ©2000, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Письмо №131. К Милтону Валдману (продолжение).

Вторая Эпоха оканчивается великой катастрофой; но не стоит еще подводить черту. Остался в живых Элендил, предводитель Верных (его имя означает “Друг эльфов”) и его сыновья - Исилдур и Анарион. Элендил, герой подобный Ною, не принимал участия в восстании, а хранил в тайне снаряженные суда на восточном побережье Нуменора. Он избежал всепоглощающего шторма с разгневанного Запада, его корабли подхватила огромная волна и выбросила на западное побережье Средиземья. Он и его народ были подобны изгнанникам на чужбине. Здесь они основали королевства нуменорцев: на севере - Арнор, вблизи королевства Гиль-Галада; и Гондор на юге, близь устья Андуина и дальше к югу. Саурон, будучи бессмертным, едва не гибнет вместе с Нуменором и возвращается в Мордор, где через некоторое время собирает достаточно сил, чтобы бросить вызов нуменорским изгнанникам.

В конце Второй Эпохи создается Последний Союз людей и эльфов и происходит великий штурм Мордора. Тогда Саурон был повержен и Зло потеряло свое второе видимое воплощение. Но цена была высока, к тому же была совершена катастрофическая ошибка. Гиль-Галад и Элендил погибли сражаясь с Сауроном. Исилдур, сын Элендила, забрал кольцо с руки Саурона. Саурон лишился большей части своей силы, и дух его бежал в тень. Но зло уже творило свое дело. Исилдур объявил кольцо своим, как виру за отца, и отказался бросить его в жерло вулкана, что был рядом. Он отправляется в поход, но тонет в Великой Реке. Кольцо потеряно, и до времени сокрыто. Но оно не уничтожено и Темная Башня, построенная с его помощью все еще стоит, опустошенная, но не разрушенная. Итак эпоха заканчивается расцветом государств нуменорцев и закатом последнего королевства Высоких эльфов.

События Третьей Эпохи связаны главным образом с Кольцом. Темный Властелин не сидит на своем троне, но создания его не уничтожены, а ужасные слуги его, рабы Кольца, все еще скитаются по земле как тени среди теней. Мордор пуст, пуста и Темная Башня, а на границе земель зла свой дозор несет стража. Эльфы живут пока в скрытых поселениях - Серой Гавани, где стоят их корабли, в Доме Элронда, и кое-где еще. На Севере - Королевство Арнор, где правят потомки Исилдура. Южнее, у Великой Реки Андуин - города и крепости нуменорского королевства Гондор, с королями из линии Анариона. Дальше, на Востоке и Юге (о которых не говорят эти предания) лежат страны дикарей и злые государства сходные между собой только ненавистью к Западу, которую им передал их владыка Саурон; но сила Гондора сдерживает их. Единое Кольцо исчезло - возможно навсегда, и Три Кольца Эльфов, носимые тайно, сохраняют в очарованных убежищах красоту и память старых времен, замедляя и останавливая время, и создавая подобие благости Истинного Запада.

Но Арнор на севере слабеет, он раздроблен на мелкие княжества и, наконец, совсем исчезает.

Остаток нуменорцев становится скрытым бродячим народом, хотя род королей, потомков Исилдура никогда не пресекался - известно это только в доме Элронда. На юге Гондор достигает пика своего могущества и почти подобен Нуменору, а потом медленно движется к упадку Средних веков, своего рода гордая, почтенная, но все более и более немощная Византия. Охрана Мордора потеряла бдительность. Усилилось давление с Востока и множатся орды Юга. Род Королей пресекся и последний оплот Гондора, Минас Тирит ("Крепость Стражи") управляется родом Наместников. Всадники Севера, Рохиримы или Наездники Рохана, заключившие бессрочный союз, поселились в безлюдных теперь зеленых равнинах, которые были некогда северной частью королевства Гондор, у большого первобытного леса. На Великое Зеленолоесье, к востоку от верховьев Великой Реки, падает и разрастается тень, превращая его в Чернолесье. Мудрые узнают, что там, в тайном замке на юге, скрывается чародей (Некромант из "Хоббита").*

В середине этой эпохи появляются Хоббиты. Происхождение их неизвестно (даже для них самих)**, поскольку они ускользнули из преданий больших или цивилизованных народов, имеющих письменность, и не сохранили их сами - остались лишь смутные устные предания - пока они мигрировали от границ Мирквуда, спасались от Тени, странствовали на запад и встретились с последними остатками Королевства Арнор.

Их основным поселением, где все жители - хоббиты, где царят порядок и цивилизация, но сохраняется простая сельская жизнь, является Графство (Shire) - первоначально леса и угодья королевства Арнор, данные им в феодальное владение. Но Король - автор закона - давно исчез исчез из памяти, задолго до того, как мы услышим о Шире. В 1341 году по Ширскому летосчислению (2941 году Третьей Эпохи - это было последнее столетие в эпохе) Бильбо - герой "Хоббита" - отправился в свое приключение. В этой истории, к которой я не буду возвращаться о хоббитах и месте их проживания не повествуется - это считается само собой разумеющимся, а немногое рассказанное - имеет форму случайного намека на нечто известное. Вся "мировая политика", описанная выше, остается в памяти - и иногда появляются намеки на что-то, более полно представленное в других местах. Так, в "Хоббите" мы встречаем Элронда - важного персонажа, хотя почтение к нему, его огромная власть и высокое происхождение скрыты, не показаны полностью. Также там есть и намеки на историю эльфов, на падение Гондолина, и так далее - а во тьме и зле Мирквуда скрыта одна из самых главных частей приключения.

---

* Только в период между "Хоббитом" и его продолжением было обнаружено, что Некромант - это *возродившийся Саурон*, стремительно набирающий силу и облеченный в зримую форму. Он избегает стражей и возвращается в Мордор и Темную Башню.

** Хоббиты, конечно, действительно должны принадлежать к особой ветви человеческой расы (не эльфов или гномов) - следовательно, оба народа могли проживать вместе (как в Бри), и различаться лишь как Большой Народ и Маленький Народ. Они совсем не обладают нечеловеческими возможностями, но ближе к природе (почве, и всему живому, растениям и животным) и совсем не по-человечески свободны от амбиций и жажды богатства. Они сделаны *маленькими* (немногим больше полуроста человека, и даже меньше, в зависимости от возраста) отчасти, чтобы показать мелочность простого, лишенного воображения, обывателя (хотя это и не применимо к авантюристам Скорам), и чтобы показать потрясающий, удивительный героизм физически слабого человека, находящегося в крайней ситуации.

Только одно указывает на то, что эта “мировая политика” действует как часть механизма истории - волшебник Гэндальф* внезапно отправляется по важному делу (попытаться справиться с угрозой Некроманта) оставив Хоббита без помощи или совета в ходе его приключения - вынуждая того опираться лишь на свои силы и сделаться героем. (Многие читатели заметили это и предположили, что во всех продолжениях или историях этого времени, так или иначе должен присутствовать Некромант.)

Общий тон повествования “Хоббита” и основного цикла легенд различен - “Хоббит” более близок к волшебной сказке, истории для детей. Кое-какие детали в книге, пожалуй, ошибочны - и я даже готов был бы их изменить. Но не думаю, что это стоит делать. Эффект роста от простого, безыскусного обывателя (хоть и не без зерен благородства и героизма) до героя сказания нашел отражение и в тоне повествования, от сказочно-детского повышающегося до благородно-легендарного и - снижающегося по возвращению хоббита домой.

Поход за золотом Дракона, главная тема “Хоббита”, весьма перифирийна для основной цепи событий легендариума - и связывается с ней в основном Историей гномов (которая, хоть и не была никогда основной - но часто бывала важной **). В ходе Приключения герой случайно находит волшебное кольцо. Его главной способностью (единственной, заметной с первого раза) является умение делать носителя невидимым - и эта находка, никак не предусмотренная и не планируемая, неожиданно принесла удачу всему предприятию. Вернувшись домой, хоббит хранит кольцо в секрете ото всех.

Продолжение. “Властелин Колец” - произведение гораздо большее по объему, и - я надеюсь - пропорционально лучшее. Это попытка объединить все части цикла легенд, связать их воедино - тут и гномы, и эльфы, и Короли людей; героические всадники (как у Гомера), орки и демоны, страшные Кольценосцы и Некромант, и ужас Темного Трона; - и это даже нашло отражение в стиле: вульгарность хоббитов, поэзия и самая высокая проза. Мы становимся свидетелями разрушения последней воплощенной инкарнации Зла, уничтожения Кольца, окончательного ухода Эльфов из Средиземья, воцарения истинного Короля и роста владычества Людей; наследование всего, что могло быть передано Эльфийским народом, равно как и Нуменором - в высоком браке между Арвен, дочерью Элронда, и Арагорна. Ранние легенды мы видим глазами эльфов, это же последнее великое предание мы наблюдаем глазами хоббитов; так мы спускаемся с небес мифа на обычную землю. Будучи передана через хоббитов, история показывает наиболее

*Природа Волшебников (the Wizards) нигде полностью не раскрыта. Их именование, связанное с Мудростью (Wise) есть перевод на английский их эльфийского именования, и оно помогает отличить их от совершенно непохожих Колдунов или Магов. В этих сказаниях они выполняют роль Ангелов, Ангелов-хранителей. Их сила направлена на укрепление противников зла, их ум идоблесть направлены на объединение и поддержку. Они выглядят как старики и мудрецы, и хотя (посланные силами Истинного Запада) они не подвластны миру, со временем растут их года и седые волосы. В обязанности Гэндальфа, проходящего через все предания, входит опека людей и хоббитов.

** Враждебность Гномов и Эльфов - часто появляющийся мотив, происходит от легенд о Первой Эпохе; Шахты Мории, войны Гномов и Орков (гоблинов, солдатов Темного Властелина) относятся к Второй Эпохе и началу Третьей.

Невозможно изложить “ВК” в одном-двух параграфах... он был начат в 1936[5] и каждая часть переписывалась по нескольку раз. Каждое слово из его шестисот тысяч было обдумано; а местоположение, размер, стиль и роль всех событий, побочных обстоятельств и глав - тщательно проверено. Я говорю это не для хвастовства - а чтобы показать, что сам мог запутаться в собственном воображении и придать слишком много значения вещам, не имеющим особой ценности для других; - хоть многие читатели и нашли “ВК” хорошим в целом *. Все, что я могу сказать - я не могу вносить никаких существенных исправлений или изменений в текст. Я закончил его, он - сам по себе. Работа была колоссальная; и будет этот колосс стоять или упадет - зависит уже только от него.

[Далее в письме излагается (без комментариев) содержание “Властелина Колец”, после которого Толкин пишет:]

Это длинное и все же - слишком краткое изложение. Многие персонажи, важные для рассказа не упомянуты. Даже некоторые целые изобретения, вроде замечательных Энтов, самых древних из живущих (рациональных) существ. Если мы отрвемся от мировой истории и связанных с ней событий, мы увидим несколько любовных историй, вернее - несколько разных видов любви, полностью отсутствовавшей в “Хоббите”. Самая высокая история любви - Арагорна и Арвен, дочери Элронда - полностью рассказана только в коротком предании “Об Арагорне и Арвен Ундомиэл”. Мне кажется, что “простая” любовь Сэма к Рози (нигде не описанная) также важна для изучения главного героя, как и “обычная жизнь” (рождение, дыхание, еда, работа) в отношении к Приключению, самопожертвованию, удовольствии красотой, желанию “встречи с Эльфами”. Но я уже не буду об этом говорить, также как и об ошибочном поиске любви Эовин и ее первой любви - к Арагорну. Если в “ВК”, этой большой и всеобъемлющей книге есть какие-нибудь ошибки и неточности - то когда их исправлять, если не сейчас? Небольшое изменение (уже выполненное) критического момента в “Хоббите”, объясняющего зависимость Голлума от Кольца, позволило немного сократить и убыстрить главу “Тень прошлого”, а также - упростит спорное начало второго тома. Если будут изданы “Сильмариллион” и некоторые другие рассказы, вроде “Падения Нуменора”, значительная часть исторического фона будет разьяснена, что уменьшит размер “Совета у Элронда”. Правда, это едва ли сократило бы книгу на одну главу - из семидесяти двух.

Интересно, прочтете ли Вы когда-нибудь это??

* * * * * * *

Комментарии Хэмфри Карпентера:

1. См. вводное примечание к письму 19. **2**. Noumenon,*p.p.* от νοειν (чуствовать, воспринимать) - у Канта противопоставлен “феномену” и определен как ‘объект интеллектуальной интуиции, лишенный всех феноменальных свойств’. **3**. Текст этого письма взят из машинописной копии, отпечатанной машинисткой Милтона Валдмана, с исправлениями, сделанными Толкиным; возможно, здесь она пропустила несколько слов. **4.** Тар-Калион (квэнийское имя Ар-Фаразона) был первоначально тринадцатым королем Нуменора, но в более поздних записях он назван двадцать пятым (обычно рекомым двадцать четвертым - см. подробнее “Неоконченные Предания” стр.226, пр. 11). **5**. Как показывают более ранние письма, фактически “ВК” был начат в 1937 году.

ᚹᚩᚱᚷᚱᚩᚾᚷᚱᚩᚾᚷᚱᚩᚾ

а “Письма Баламута”. В остальном все правильно. Ясно, что мнения столь “грамотных” рецензентов вряд ли следует учитывать (впрочем, газеты подобного рода - увы - и не задаются целью печатать лишь достоверные статьи), однако, к сожалению, они вполне могут способствовать созданию вполне определенного предвзятого мнения в некоторых религиозных кругах.

Именно поэтому мы считаем, что статья, предлагаемая вниманию наших читателей в этом журнале, достаточно важна. Ведь она (1) появилась на свет в результате диспута, возникшего между группой сторонников “крайнего православия” с националистическим уклоном с одной стороны и группой серьезных почитателей Толкина с другой, (2) представляет из себя “взгляд со стороны”, то есть написана человеком, не входившим ни в одну группу и, как представляется, достаточно глубоко знающим позиции и взгляды обоих сторон, (3) затрагивает многие весьма глубокие вопросы, касающиеся творчества Толкина (и не только) и рассматривает их с точки зрения христианина. Думается, что каждый из наших читателей сможет найти в этой статье что-нибудь интересное и важное для себя. Кому-то она сможет помочь найти ответы на его вопросы, кому-то она поможет глубже понять точку зрения других, а кто-то просто уверится, что христиане (к числу которых принадлежу и я сам) вовсе не обязательно являются мракобесами или отрицателями, которым неприятно все новое или незнакомое.

Однако, прежде, чем перейти к самой статье, мы сочли полезным привести краткий обзор того диспута, в ходе которого она появилась на свет, что позволит лучше сориентироваться в ее предмете.

* * *

В конце декабря 1999 года, в сети Интернет, на форуме диакона Андрея Кураева, некая группа “Китоврас” высказала мнение, что книги Толкина не могут считаться христианской литературой (это был комментарий на высказывание самого о. Андрея в одной из книг которого Толкин назван “христианским апологетом и проповедником”). Были высказаны разные мнения (большая часть которых не заслуживает серьезного внимания). В ходе этого обмена мнениями К. Кинн, одна из московских любителей Толкина, предложила выделить для ведения дискуссии отдельную электронную доску объявлений и вызвала группу “Китоврас” на диспут, на что “Китоврас” согласился. Для ведения диспута со стороны любителей Толкина была создана группа под названием “Эстель”, в которую вошли толкинисты из разных городов.

О самой группе “Китоврас”, которая гордо именует себя “группой стратегических исследований”, сказать можно немного. В чем состоят “стратегические исследования” группы в ходе наблюдения за диспутом и в результате визита на домашнюю страницу этой организации в сети Интернет, нам выяснить так и не удалось. Мировоззрение группы довольно-таки типично (и это делает диспут более ценным). “Великая Россія”, восхищение идеей сильной государственной власти, превознесение всего русского, рассуждения о засилье иностранцев в России и, как теперь часто оказывается модным, на фоне всего этого - православное христианство (о котором, судя по ходу диспута, члены группы имеют весьма неглубокое представление - да и зачем нужно глубокое понимание того, что просто избрано на роль знамени или символа). Все это (и пусть никто не сочтет себя оскорбленным) вместе весьма сильно напоминает традиционный набор лозунгов “черной сотни”, “Союза Русского Народа” и других, довольно печально известных организаций.

Вскоре после того, как электронная доска объявлений была организована, группа “Китоврас” опубликовала свое первое письмо. Содержание большей части высказываний группы достаточно очевидно из самой статьи, которую мы сегодня публикуем, поэтому мы не будем подробно излагать их. Следует лишь отметить, что в письмах “Китовраса” содержалось множество серьезных, с православной точки зрения, богословских ошибок. Группа “Эстель”, в свою очередь, опубликовала большой ответ, где, на основе текстов самого Толкина показала, что обвинения группы “Китоврас”, обращенные к Толкину, не соответствуют действительности. Этот ответ,

Ѧ᐀ᑊ ᑕᑦᑎᑊ ᑲᑦᑕᑊ ᐊ ᑕᑦᑎᑊ ᐊᓂᑦᑕᑦᑎᑦᑎᑊ ᑕᑦᑎᑊ ᑲ

Павел Федоров

Уважаемые господа участники “диспута”!

Прежде всего, я хотел бы попросить прощения за то, что неожиданно и, быть может, избыточно резко врываюсь в ваш разговор. Возможно, я также делаю это несколько запоздало - прошу простить меня и за это, - я имею весьма ограниченный доступ к компьютерным сетям и, при возникновении необходимости ими пользоваться, вынужден прибегать к помощи других людей. Собственно, и материалы вашей дискуссии попали ко мне не сразу - их предоставили мне некоторые мои друзья и просили с ними ознакомиться и высказать свою точку зрения по поводу всего сказанного. Прочитав все это, я, однако, осознал, что совесть моя понуждает меня взяться за перо.

I.
“НЕ ПОСЛУШЕСТВУЙ НА ДРУГА ТВОЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ЛОЖНА”

О том, что любовь и скорбь, а не жажда споров и разногласий побуждает писать это.

Прошу вас правильно меня понять. Я ни в коей мере не считаю себя великим специалистом в области всего того, о чем буду говорить - ведь есть множество людей, значительно более сведущих в каждой из затронутых вашей дискуссией областей. Мной двигает другое. Будучи верующим и православным человеком, я разделяю веру Святых Отцов Семи Вселенских Соборов, считаю жизнь во Христе, а значит - и в Церкви (в том числе и участием в Святых Таинствах) самым главным для себя. По мере данных мне Богом сил я стараюсь любить и всех православных христиан, людей, искренне преданных Христу и Его Церкви. При этом я с большой симпатией и даже любовью отношусь к книгам Толкина. И, самое главное, с любовью отношусь ко многим людям, причисляющим себя к ценителям его творчества (некоторые из них не чуждаются и ролевого движения). Многие из этих людей - в числе моих близких друзей - и, кстати, большая часть из них - верующие христиане. Среди них немало и православных. Могу ли я иметь спокойную и мирную совесть, зная, что на этих людей (в православии, глубокой вере и благочестии которых у меня нет никаких сомнений) пытаются повесить ярлык, ими не заслуженный? Могу ли я молчать, зная, как легко в наше время такие ярлыки навешиваются и как тяжко их носить, с какими страданиями приходится избавляться от этих ярлыков честным, порядочным людям?

В наше время многие христиане находятся в состоянии настороженном, с некоторой опаской относясь ко всему не вполне знакомому им. И это вполне понятно и оправданно - мы ожидаем последних времен (или уже вошли в них), при наступлении которых умалится число верных, а число лжеучений и лжеучителей, отступников от веры, сохраняющих ее лишь на словах, возрастет. К осторожности многократно призывает нас и Священное Писание и слова Святых Отцов и Учителей Церкви. Понятно, что настороженность эта у человека духовно здорового не перерастает в патологию, не становится параноидальной. Такой человек будет помнить не только слово Евангелия о том, что “кто не со Мною, тот против Меня” (Мф. 12:30), но станет вспоминать и другое слово о том, что “кто не против вас, тот с вами” (Мр. 9:40). Он будет помнить, что Святой Апостол Павел не сказал нам “всего опасайтесь, всего избегайте, ничего не принимайте, всех, о ком сомневаетесь, почитайте врагами себе и Богу”, но “все испытывайте, хорошего держитесь” (1 Фес. 5:21). Однако важно и другое. Легко мне здесь говорить о духовном здоровье и о том, что будет делать духовно здравый человек. Однако многие ли из нас могут таким духовным здоровьем похвалиться? Не скажет ли каждый православный христианин о своем несовершенстве и скудости своего духовного и душевного здравия? Не очевидно ли для каждого нормального православного христианина, сколько еще в душе его неисцеленных язв грехов и страстей? Недаром сказано нам “берегитесь закваски фарисейской и саддукейской” (Мф. 16:6), недаром -потому что закваска эта, в той или иной степени свойственна практически каждому из нас. И потому может ли быть удивительно, если кто-то, искренне заблуждаясь, начинает чураться и бояться того, чего бояться не следует или же не ограждает себя по незнанию от того, с чем соприкасаться не стоит? Напротив, это не только не удивительно, но, по немощи человеческой, вполне естественно. Однако может ли честный христианин использовать эту уязвимость нашу для того, чтобы манипулировать другими людьми? Чтобы возгревать ненависть и нелюбовь к тому, что ему лично неприятно? Чтобы своих врагов, которых он ненавидит в нарушение заповеди Божией, отождествить с врагами веры и Бога и научить и всех христиан ненавидеть их? Уверен, что все читающие это православные согласятся в том, что таковое было бы недопустимо, мерзко и греховно. Но - увы! - такое бывает,

к несчастью, не столь уж редко - особенно в наши дни, в дни, когда вера и любовь среди людей оскудевают, а вот ненависти меньше отнюдь не становится. И я прошу понимать меня правильно. Я вовсе не призываю лобызаться и обниматься с тем, кто действительно еретик и враг веры и Церкви. Я лишь говорю о том, что едва ли следует поспешно и необдуманно причислять к врагам Божиим всякого, кто кажется подозрительным или странным, всякого, кто чем-то не похож на нас. Вы заботитесь о своей чистоте? Не то же ли делали и фарисеи? Однако остерегайтесь, подобно им поспешно произносить суд над всем и всеми, страшась Сказавшего - "не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?" (Мф. 7:1-3). Не лучше ли каждому из тех, кто поддается подобному соблазну скорого суда или недобросовестного оклеветания прислушаться к истории, рассказанной нам Преподобным Иоанном Лествичником: "Услышав, что некоторые злословят ближних, я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что делают они это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: "оставьте такую любовь, чтобы не оказалось ложным сказанное "тайно клевещущего на ближнего своего, изгоню (Пс. 100:5)". Если ты истинно любишь ближнего, то не осмеивай его, а молись о нем втайне; ибо сей образ любви приятен Богу. Станешь остерегаться осуждать согрешающих, если всегда будешь помнить, что Иуда был в соборе учеников Христовых, а разбойник - в числе убийц; но в одно мгновение произошла с ними чудная перемена". (Преп. Отца нашего Иоанна, Игумена Синайской горы, Лествица. Сергиев Посад, 1908, 10:4, стр. 97).

Есть еще одна сторона действительности, проникшая в российскую церковную и околоцерковную жизнь, которая не может не огорчать всякого искреннего и разумного верующего человека. Или, говоря точнее, этих сторон - две. Одна из них, это стремление делать из мухи слона. Преувеличить опасность, исходящую от чего-то или от кого-то, безусловно, легко. И для этого оказываются хороши все средства - от тенденциозного подбора и истолкования фактов, до откровенной лжи. Причем часто такие преувеличения рассчитаны на аудиторию, которая по уровню своей подготовки, знаний не может и не станет проверять то, что там сказано. Хуже того, часто такие недобросовестные "устрашители" не гнушаются пользоваться авторитетом своего церковного сана или выступать от имени Церкви, - ведь того, кто говорит от имени Церкви, слушают с доверием, особенно если он облечен высоким священническим саном, призван предстоять Богу. Мне очень бы хотелось, чтобы поступающие так люди делали это искренне, желая принести пользу ближним и Церкви. К сожалению, часто факты указывают на обратное. Иной раз преувеличения такого рода -свойство страстной полемики. Но ведь не стоит даже в пылу полемики забывать, что помимо тебя есть и иные люди, особенно, если сан или авторитет, который ты имеешь, побуждает их прислушиваться к твоим словам. Вес слова человека, имеющего такой авторитет, многажды превышает вес слова человека простого, не облеченного саном и не стяжавшего славы. А значит и ответственность того, кто произносит это слово, во много раз больше. И блага и зла это слово может принести больше. И задуматься перед произнесением его надо серьезно, чтобы за него и плоды его не пришлось после раскаиваться. Легко породить таким словом в сердце ближнего вражду или ненависть против кого-либо. Ведь часто люди прислушиваются к таким словам с тем доверием, которое дети имеют к словам своих родителей. И не стоит ли лишний раз с благочестивым страхом вспомнить - "кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили во глубине морской" (Мф. 18:6). Есть и иной порок, который - увы! - все чаще проявляет себя даже в сочинениях некоторых церковных авторов, работы которых простые верующие воспринимают если не как исходящие от Бога, то уж точно как исходящие от имени Церкви. Этот порок - некомпетентность. Мне всегда казалось - и думаю, что со мной согласятся многие - что человек, который пытается учить других или публично обличать заблуждения должен хорошо понимать то, о чем он говорит. Если же он говорит от имени Церкви - или так воспринимают его слова, - то его ответственность многократно возрастает. Он должен тщательно следить, чтобы не произнести ложного слова, тем паче - ложного суда. Ибо ложное слово, произнесенное от имени Церкви соблазнит многих. Одних увлечет за собой по ложному пути. Других - оттолкнет от Церкви. "Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона, и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины: Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? <...> Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога? Ибо ради вас, как написано, имя Божие хулится у язычников" (Рим. 2:17-24). Может быть кто-то скажет мне, что мой

упрек слишком строг. Что люди, пишущие и говорящие, предостерегая других могут быть искренними. Что они могут видеть опасность и пытаться оградить от нее братьев и сестер во Христе? Но если так - разве это извиняет вопиющую некомпетентность некоторых из них в тех вопросах, о которых они говорят? Разве добросовестный человек не постарается прежде узнать получше то, о чем рассуждает? Разве допустимо объявлять что-либо злом, не удостоверившись в этом законно, на основании одних подозрений или, хуже того, гордой уверенности в справедливости и непогрешимой истинности своего мнения, которое, при внимательной проверке, оказывается скороспелым и неистинным? "Ни к чему нам разбираться в том, что заведомо не от Бога" - говорят такие люди. Но разве даже сам Св. Апостол Павел не велел прежде испытывать все, от Бога ли оно? Разве даже светские законы не повелевают, рассматривая дело в суде, войти в подробности его и выслушать свидетелей? Разве допустимо было бы осудить человека на гибель только потому, что судье его лицо показалось весьма преступным? Разве прежде соборного осуждения ересей Святые Отцы не изучили подробно трудов тех, кто подозревался в ереси, чтобы после оправдать невинных и законно обличить виновных? Конечно же, поспешно делать других врагами православия, - легче, чем заняться тщательной проверкой того, таковы ли они - а перед тем еще и как следует заняться собственным образованием. Это путь более легкий, незатруднительный, дающий широкое поле деятельности. Но христианам Господь завещал предпочитать узкий путь широкому.

К сожалению, сейчас стремление к "обличительству" весьма и весьма распространилось. В писаниях Святых Отцов Церкви, посреди прочих многовидных грехов и страстей встречается и грех "ревности не по разуму". Боюсь, что к большинству "обличителей" это понятие вполне применимо (обо всех говорить не решусь). А такая ревность, как известно, может принести лишь вред и делу, и ревнующему. К несчастью, эта ревность иногда еще и перемешивается с ложным патриотизмом, с национализмом. Мы знаем, что национализм для христианина неприемлем - ибо в новом человеке "нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос". В словах таких горе-патриотов само имя Русской Православной Церкви начинает звучать с большим ударением на слове "Русской", чем на слове "Православной". И хочется напомнить им, что любовь к одной расе или нации большая, чем любовь к Святой Церкви, предпочтение интересам вселенской Истины Христовой интересов одной страны или народа - это ересь, осужденная Вселенским Константинопольским Патриархатом под названием ереси филетизма. Да и кроме того всякому христианину естественно понятно, что грань за которой любовь к своим по плоти, по происхождению затемняет любовь к другим людям, становится источником ненависти к другим (или другому) народам или культурам - это грань, за которой добродетель искажается и становится грехом.

Прошу простить меня за столь долгие рассуждения, которые вы вправе счесть отступлением от темы (мне самому так не кажется). И прошу понять меня правильно. Отстаивание Святой Веры Матери нашей Церкви Православной -это глубоко правильное и благое дело. Но вот праведны и верны ли средства, которые при этом изыскивают некоторые из ее "защитников"? На пользу ли такое зилотство делу Христову и делу Церкви? Должны ли патриотизм и вера вести к озлобленному отрицанию всего, что имеет иноземное происхождение? Вспомните, какую пользу оказало изучение и глубокое знание языческой культуры и философии Свв. Василию Великому и Григорию Богослову во времена арианских споров. Если бы все "чуждое" отметалось бы без разбора, мы сейчас имели бы дело с Церковью, обряд и богословские понятия которой оставались бы без всякой примеси и изменения иудейскими. И мы бы, вместе с господами из группы "Китоврас" были бы вынуждены, входя в Церковь совершать обрезание...

II.
"ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ НА ПЕСКЕ"

О том, куда могут привести неумеренная жажда обличений и ревность не по разуму.

Теперь я обращусь к существу вопроса. Прочитав материалы "диспута" я был до глубины души поражен некомпетентностью представителя группы "Китоврас". Некомпетентностью во всех затронутых вопросах - и по поводу гностицизма и его сущности, и по поводу того, что касается Толкина, его взглядов и его книг, и в отношении так называемых "толкинистов" и "ролевого движения", и, что гораздо печальнее, в отношении вероучения Святой Православной Церкви. И если первые три "некомпетентности" еще простительны для тех, кто не специализируется в упомянутых вопросах в течение долгого времени (к примеру, когда г-н Музафаров говорит о гностицизме и о том, что ему свойственно, он производит впечатление отнюдь не специалиста, но

ᚠᚩᚱ ᚷᚩᚱᚾᚩᚱᚾᚩᚱᚾ

книге? Вам нужен пример - извольте. Святое Евангелие, как Вы, надеюсь, знаете, используют отнюдь не только члены Православной Церкви. Помимо того, что его цитируют и протестанты, его цитируют (и как _священный_ текст) и мунисты, и теософы, и бахаи, и мормоны. Не счесть ли нам теперь, что причина всех этих многочисленных заблуждений (а с точки зрения человека православного это, безусловно, заблуждения) - слова и дела Господа Нашего Иисуса Христа, записанные боговдохновенными Апостолами и Евангелистами в книгах Нового Завета (да не будет!)? Как видите, популярность книги в определенных кругах еще никак не показывает и не доказывает того, что именно книга послужила причиной ходящих в таких кругах взглядов. Не подумайте, что я сравниваю Евангелие и книги Толкина - никоим образом. Это просто самый очевидный и показательный пример ложности той логики, которую вы положили в основу Ваших рассуждений.

Далее, Вы утверждаете несовместимость книг Толкина с Православием, следуя весьма странной логике: (а) гностицизм несовместим с православным вероучением; (б) некоторые моменты в книгах Толкина похожи на гностические взгляды; (в) следовательно, Толкин проповедует гностические ереси; (г) поэтому книги и взгляды Толкина несовместимы с христианским мировоззрением. Думаю, не понадобится иметь высшее образование, чтобы понять ложность подобной логики. Даже пункт (а), который сам по себе вполне справедлив, подразумевает несколько высказываний, истинность которых проблематична: (а-1) что под гностицизмом всегда и везде понимается одно и то же (а это не так); (а-2) что в гностических учениях нет ни одного момента, совместимого с православным вероучением (это под вопросом и зависит от конкретной системы взглядов). Но все же, примем Вашу первую посылку за истинную. Относительно второй могу Вам сказать, что к Вашим рассуждениям вполне применима русская пословица "слышал звон, да не знает где он". Вы делаете множество ошибок в своих сопоставлениях, иногда весьма грубо заблуждаясь, принимая поверхностное, походя замеченное "сходство" за глубинное родство. Это, вообще говоря, лишает всякой ценности и права на доверие дальнейшие Ваши выводы. Как я попытаюсь показать дальше, вся ваша вторая посылка не выдерживает серьезной критики. Пункт (в) подразумевает справедливость еще одного неявного высказывания: (в-1) всякое внешнее сходство указывает на внутреннюю идентичность или, как минимум, родство. Понятно, что с таким высказыванием согласиться никак нельзя. Оно позволило бы обвинить в гностицизме самого Св. Апостола Павла - ибо именно он первым употреблял термины "человек плотский, душевный, духовный". Опираясь на это сходство мы должны были бы признать существенное единство христианства и, скажем, митраизма - ибо известно, что многие внешние детали культа были у них схожи. Кстати, судя по схожести названия Вашей группы с именем существа, фигурирующего как личина демона Асмодея в некоторых апокрифических сказаниях, Вас можно причислить к идолослужителям и демонопоклонникам (надеюсь, этот вывод столь же неоснователен, как и разбираемое высказывание) Подобных примеров можно привести огромное количество. Поэтому третья фаза Ваших рассуждений также не выдерживает никакой критики. А значит и на вывод (г) можно не обратить никакого внимания, как на произвольный и необоснованный.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению отдельных аспектов Ваших размышлений. Но прежде - еще несколько общих слов. Толкин мыслил свои книги как, скажем так, произведения сказочно-исторического или легендарно-исторического жанра. В одном из своих писем он прямо указывает: "Предполагается, что я построил воображаемое _время_, но в том, что касается _места_, мои ноги стоят на родной мне Земле (mother-earth) <...> Мне представляется, что это время могло бы отстоять от нашего на 6000 лет" (J.R.R.Tolkien, The Letters of, Boston, Houghton Mifflin Company, 1981, p. 283. Письмо 251, к Роне Бир. Здесь и далее, если не приводится ссылка на русское издание, цитаты даются в моем собственном переводе, за отсутствием у меня иных. Надеюсь, моя порядочность как исследователя не вызовет сомнений у читателей. В случае же, если такие сомнения все-таки возникнут, всегда можно будет обратиться к оригинальным текстам - благо в России они теперь стали более доступными, насколько это мне известно). В том же письме (и на той же странице) Толкин оговаривает: "Если мне будет позволено, я скажу, что все это - "мифы", а не какая-либо разновидность новой религии и не видение. Насколько мне известно, это просто создание моего воображения, которое единственным доступным мне способом выражает кое-что из моего (весьма несовершенного) мироощущения". То есть, повествуется о событиях, которые, по замыслу

автора, происходят в далеком, дохристианском прошлом. Было бы странно ожидать от персонажей сказки или исторического романа, действие которых происходит "давным-давно", чтобы они мыслили строго по-христиански, чуть ли не вероопределениями Свв. Вселенских и Поместных Соборов. Достаточно для читателя-христианина, чтобы такая книга учила христианским добродетелям, чтобы дух ее согласовывался с духом христианства, а не противоречил ему. Именно такое "требование", именно такой "критерий оценки" применим здесь. Но, что интересно, даже если мы будем подходить к книгам Толкина с гораздо более строгих позиций, нам будет довольно трудно упрекнуть их в каком-либо несогласии с христианским вероучением.

Итак, о ваших словах, г-н Музафаров. Вы пишете: "1. Происхождение мира и отношения между миром и Богом.

"Если в Библии мы видим единого Бога Творца, который "В начале сотворил Бог Небо и Землю" (Быт.1.1.), то в Сильмарилионе все выглядит несколько иначе: "В начале он (Иловатар - кит) сотворил аинур, первых святых, порождение его мысли, и они были при нем уже тогда, когда ничего другого не было" (с.5 здесь и далее цитаты из Сильмарилиона приводятся по изданию - Д.Р.Р.Толкиен, "Сильмарилион" М., 1992.). И именно в сотворчестве с ними Эру творит Арду, причем в результате этих совместных усилий получается некий полуфабрикат: "Но когда валар вошли в Эа, они, пораженные, остановились, в замешательстве, потому, что мир показался таким, как будто ничего еще не было сделано..." (с.9). Это описание как будто перекликается с библейским "Земля же была безвидна и пуста" (Быт, 1.2.), но если Бог Библии сам в шесть дней творит на Земле все сущее, то в Арде этим занимаются младшие демиурги - валары."

Честно говоря, прочитав это (да и все последующее тоже) я и сам "остановился в замешательстве". Не знаю даже, что поразило меня больше -Ваше, судя по всему, полное незнание Святоотеческой традиции и Святого Предания Православной Церкви или несправедливость Ваших упреков в адрес Толкина (которого, вы, очевидно, читали весьма невнимательно - быть может, чтобы просто нахвататься необходимых для "обличительства" цитат).

Вы или не знаете (что скорее всего) или (это было бы еще печальнее) намеренно делаете вид, что не знаете, каково учение Церкви и Святых Отцов о творении мира. Практически все святоотеческие толкования Книги Бытия сходятся в том, что говоря "в начале сотворил Бог небо и землю" Писание говорит о создании мира невидимого - мира сотворенных духов или Ангелов и мира видимого, так что "из невидимого произошло видимое" (Евр. 11:3). Среди многих других источников, объясняющих это, обратимся к одному из наиболее полных - к "Православно-Догматическому Богословию" высокопреосвященного Макария (Булгакова), Архиепископа Харьковского (тт. 1,2, изд-е 3-е, СПб, 1868), работе весьма подробной и снабженной обширными выдержками из Отцов и учителей Церкви, которая, надеюсь, Вам небезызвестна (Я заранее извиняюсь перед менее заинтересованными читателями за длинные и, по причине некоторой устарелости языка, не всегда удобочитаемые цитаты. Полагаю их важными для полноты рассмотрения поднятых вопросов.)

Вот что он пишет: "Из всех мнений касательно этого предмета, существовавших между Христианами, только одно имеет основание в Слове Божием, - мнение, которого потому держалась наибольшая часть Отцов и учителей Церкви, и признает истинным сама Православная Церковь. Оно состоит в следующем: "ангелы сотворены Богом прежде всего и вообще мир духовный прежде мира вещественного" (ссылка на "Православное Исповедание" Петра Могилы - П.Ф.). Основание для этого учения находится:

а) с одной стороны в первых словах свящ. Бытописателя: "в начале сотворил Бог небо и землю"... Здесь под именем неба нельзя разуметь твердь или вообще то, что обычно называется небом: ибо небо видимое со всеми своими пространствами и светилами сотворено после (Быт. 1,6.8, 14-17). И как под землею надобно понимать не одну собственно землю, а и вообще вещество, из которого потом, в продолжение шести дней, Бог образовал мир вещественный, так и под небом, по противоположности, естественно разуметь собственно духов, которые обыкновенно представляются в Писании населяющими небо (Кол. 1:16). Догадка есть тем более вероятная, что небу Моисей вовсе не приписывает того нестроения, какое приписывает земле или первобытному веществу, и, таким образом, ясно различает и располагает их между собою. Если это справедливо, то ангелы сотворены прежде всего, когда кроме Бога ничто еще не существовало, и послужили началом

Ѣ ꙮ ꙮ ꙮ

всему бытие. Вот что пишет об этом сам Толкин: “Цикл начинается с космогонического мифа - “Музыки Айнур”. Бог и Валар(ы) (или силы, по-английски названные богами) открываются перед взором читателя. О последних мы должны сказать, что это - ангельские силы, функция которых пользоваться данной (delegated) им властью в своих сферах (управления, но _не_ творения, создания или пере-создания). Они “божественны” в том смысле, что происходят “извне” и существовали “до” создания материального мира. Их сила и мудрость происходят от их Знания космогонической драмы, которую они сначала воспринимали именно как драму (по образу того, как мы воспринимаем историю, написанную кем-то другим), а потом как “реальность”. “ (Letters, p. 146, письмо 131, к Милтону Волдману). Что духам могла быть или была отведена определенная роль в первоначальном благоустройстве сотворенного мира - об этом Церковь не учит. Однако, учитывая все другие учения Церкви об ангелах и их служении, это вполне может быть допущено, как благочестивое частное богословское мнение (теологумен). Разумеется, будь это так, это было бы сделано Творцом не потому, чтобы у Него не было возможностей Самому все благоустроить, но лишь для того, чтобы дать Своим созданиям радость и благо послужить Ему, исполняя Его волю. Писание вполне могло бы обойти молчанием это служение ангелов - как обходит молчанием и многое другое, касающееся их, даже известное из Священного Предания Церкви. И было бы вполне в духе Писания, если бы обо всем, благоустроенном таким образом, говорилось бы, как о благоустроенном Самим Богом - ибо то, что творится по Его воле, творится Им и Его силой. “Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему дай славу” (Пс. 113:9). Разве не очевидно, что даже у творения, рассматриваемого так, нет ничего общего с упомянутыми гностическими учениями? В этих учениях материальный мир всегда рассматривается как неблагой и существующий не по воле благого Бога. Толкиновским героям такое мировоззрение глубоко чуждо. Мир создан благим Творцом, и поэтому благ по своей сущности. В авторских примечаниях к тексту, который называется “Атрабет Финрода и Андрет” - этот текст не вошел в Сильмариллион, но широко распространен в России в самодеятельном русском переводе и весьма важен для понимания как взглядов самого Толкина, так и взглядов его персонажей, мы ясно читаем:

“ ‘Материя’ не понимается как зло или противоположность ‘духу’. Материя по своему происхождению полностью блага. Она остается “творением Эру” и потому до сих пор в основном хороша и даже способна самоисцеляться, когда над ней не творится насилие, то есть, когда скрытое зло, насильственно привнесенное (intruded) Мелькором, не пробуждается злым разумом предумышленно и не используется им (J.R.R.Tolkien, Morgoth’s Ring, The History of Middle-Earth, v. X, HarperCollins Publishers, 1994, p. 344)”. Замените здесь слово “Эру” на “Бога”, “Мелькором” на “Сатаной” и скажите -разве такой взгляд не окажется полностью христианским, без всякого намека на гностицизм? Найдите у Толкина хотя бы одно указание, в книгах или письмах на то, что материя считается злом или препятствием ко благу. Все его размышления - и по поводу “мировоззрения” внутреннего по отношению к его творчеству, и его собственные, указывают на то, что “все творение хорошо весьма”, однако мир был подвержен некоему падению и искажению, привнесенному в него дурным использованием свободы, данной Богом Его созданиям. Такой взгляд полностью созвучен католическому - а вместе с ним и православному богословию. Попытка же приписать Толкину какой-то иной взгляд не может найти опоры в его текстах - а значит она была бы произвольной и клеветнической.

Еще раз повторю - книги Толкина - не богословские трактаты - и не претендуют на это, о чем он и сам много говорил. Однако взгляд на мир, на его создание, на природу материи и ее отношение с духом у Толкина оказывается при этом вполне христианским. Как христианским оказывается и многое другое, что и дает нам право считать эту книгу христианской. Не учебником богословия, не богословским трактатом, но вместе с тем притчей или историей, которая может многому научить.

Дальше Вы пишете следующее: “Отсюда вытекает и еще одно существенное отличие между Библией и Толкиеном - в Библии между Творцом и тварями нет посредников - Все дышащее да хвалит Господа! (Пс.150:6), у Толкиена же Эру так и не вступает в созданный с его участием мир. Его владыками стали младшие демиурги аинур, получившие имя валары - силы мира. Последнее прозвище, кстати, дает возможность соотнести их с языческими богами, олицетворением сил природы.”

Простите, но Ваша полная, с православной точки зрения, богословская неграмотность, просто поражают.

Как можно что-то публично утверждать, обладая таким "запасом познаний"? Не опасаетесь ли Вы сами подвергнуться подозрению в ереси? Во времена Вселенских Соборов некоторые Ваши высказывания вполне могли бы послужить основанием для этого. Вы или не знаете учения Церкви и элементарной истории, либо игнорируете их ради полемики.

В Библии между Творцом и Тварями нет посредников? Тогда как же относиться нам к тому, что само слово "ангел" означает "вестник, посланник", а значит и "посредник"? Разве в Библии мы не читаем, что ангелы приносят пред лицо Божие молитвы верующих? "И пришел иный Ангел и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотый жертвенник, который пред престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога" (Откр. 8:3-4). В уважаемой Отцами Церкви девтероканонической книге Товит (она есть в любом синодальном издании Библии) читаем говоримое Архангелом Рафаилом: "Когда молился ты и невестка твоя Сарра, я возносил память молитвы вашей пред Святого... Я - Рафаил, один из семи святых Ангелов, которые возносят молитвы Святых и восходят пред славу Святаго" (Тов. 12:12, 12:15). Ангелы, наконец, приносят Слово Божие пророкам -об этом можно прочесть в первых главах книги пророка Захарии. А если Вас не убеждает Святое Писание, давайте обратимся к уже упомянутому мной труду Высокопреосвященного Макария, который цитирует множество Отцов и учителей Церкви, рассуждая о служении Ангелов:

"Они (ангелы - П.Ф.) служат Богу посредственно, как орудия Его промышления о Вселенной <...>. Это же проповедуют учители Церкви <...>

Св. Григорий Богослов: "из них (ангелов) одни предстоят великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир" и еще "сии умы прияли каждый одну какую-либо часть вселенной, или приставлены к одному чему-нибудь в мире, как ведомо было сие все Устроившему и Распределившему, и они все ведут к одному концу, по мановению Зиждителя всяческих". Св. Иоанн Дамаскин: "они сильны и готовы к исполнению воли Божией, и по быстроте естества тотчас являются повсюду, куда ни повелит Божественное мановение. Так же, они охраняют части земли, правят народами и местами, как поставлены на то Творцом, устрояют наши дела и помогают нам". <...>

В частности, Ангелы служат орудиями промысла Божия <...> 1. <...> 2. О мире вещественном. По крайней мере, есть в Апокалипсисе сказания о четырех ангелах, "держащих четыре ветра земли" (7:1), об "Ангеле вод" (16: 5) и об "Ангеле, имеющем власть над огнем" (14:18). На основании этих намеков в Церкви Христовой издревле существовало, если не догматическое учение, то мнение, что ангелам Бог поручил в управление части и стихии мира видимого. Такую же мысль выражает и Св. Иустин Мученик: "промышление о людях и о всем, находящимся под небесами, Бог поручил ангелам, которых поставил над всем этим". Потом - еще сильнее - Афинагор (древний церковный писатель - П.Ф.): "Творец и строитель мира, Бог разделил их (ангелов) словом своим, и поставил над стихиями, и над небесами, и над миром, и над тем, что в нем, и над их устройством". Далее - Ориген, Евсевий Кесарийский, Григорий Богослов, Иероним, Августин, Иоанн Дамаскин и наш отечественный Святитель, Димитрий Ростовский. Допускаемы были некоторыми особые ангелы, поставляемые над разными частями мира органического, над животными, над растениями и вообще над всеми видимыми предметами.

3. О мире малом или человеческом роде <...> Св. Дионисия Ареопагита "Богословие вверяет священноначальство над нами ангелам, когда называет Михаила князем иудейского народа, равно как и других ангелов князьями других народов". <...>" (Op. cit. т. 1, сс. 543-550).

Наконец, замечу, что по иудейским представлениям времен пришествия Христа, Ангелы именно что управляют миром. Они являются некими посредниками, наместниками Бога в управлении миром и вершении Его воли, так что Сам Он проявляется лишь в особых случаях. Это, скажем, подробно описано в ветхозаветной апокрифической Книге Юбилеев, на которую

ссылались многие первохристианские авторы. Такой взгляд не был чужд и Апостолам. По крайней мере, исследователи считают, что его не чуждался Св. Павел - но полагал, что ситуация сильно изменилась с явлением Бога во плоти, Иисуса Христа. Отныне именно Он - единственный посредник между людьми и Богом в прямом и полном смысле этого слова. Ангелы же - лишь "духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение" (Евр. 1:14). Замечу, что до Рождества Христова даже самим Ангелам тайна спасения была открыта не до конца (Еф. 3:9-10). Что уж говорить о людях. Для них до Христа (а у Толкина речь - см. ранее - идет именно о дохристианском "воображаемом времени") вполне естественно считать Ангелов, творящих волю Божию наместниками и правителями мира. Более того, они именно такими наместниками и правителями и оказываются - поскольку являются основными орудиями Божьего Провидения, ведущими мир к спасению.

Уже говорилось, что книги Толкина - не богословские трактаты. Я дальше вообще, говоря о ваших рассуждениях, до времени буду мало касаться их. Выше приведенное я рассмотел, скорее, для примера, для некой первоначальной "апологии" Толкиновских книг. Вообще же я не считаю правомерным богословский анализ книг не являющихся ни богословскими, ни проповедническими, ни вероучительными. Но вы-то претендуете на некий богословско-обличительный подход к ним! Однако почему-то получается так, что нападая на Толкина вы всякий раз оказываетесь нападающими на учение Святого Писания или Священного Предания Святой Православной Церкви, которое, очевидно, "защищаете" не имея о нем достаточного представления. Простите меня за дерзость, но вы оказались на весьма опасном пути.

Вернемся, однако, к Вашим словам: "Таким образом с первых же страниц произведений Толкиена мы наблюдаем разительное отличие от библейского понимания Бога , мира и их соотношения друг другу. Здесь Толкиен очень близко подходит к гностикам, также рисовавшим целую небесную иерархию божеств - "эонов", при этом мир там творил, как правило один из таких младших богов, обычно злой демиург. Заметим, что и у Толкиена, в отличие от Библии злое начало - Мелькор, -принимает участие в творении мира именно как творческое начало - "и Мелькор так же был там среди первых, и он вмешивался во все, что происходило, обращал если мог к совей пользе, для своих целей." (Сильмарилион, с.9)."

Все ваше "разительное отличие", как мы убедились только что, куда-то с поразительной скоростью исчезло. Напротив, в произведениях Толкина мы, до сих пор видели картину мира вполне библейскую, христианскую и даже весьма близкую к православной, если не православную. Этими своими словами вы, однако, обвиняете Толкина в ереси (ну не нелепость ли обвинять в ереси человека, который никогда не претендовал на роль вероучителя?) за то, что в его книгах существует некая иерархия "ангельских существ" - Айнур(ов). Либо я Вас неправильно понял из-за нечеткого изложения Вами своих мыслей, либо вы саму идею ангельской иерархии считаете гностической ересью. Но позвольте! Священное Предание Православной Церкви (равно как и католическое вероучение) издревле признает существование ангельской иерархии и чинов ангелов. Об этом многообразно говорит и Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, об этом согласно пишут Отцы и учителя Вселенской Церкви - Свв. Игнатий Богоносец, Ириней, Кирилл Иерусалиский, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Дионисий Ареопагит, Григорий Богослов, Григорий Двоеслов и многие другие. Простите меня, но об этом пишут даже в элементарных пособиях по Закону Божьему. Я даже не сочту нужным приводить подтверждения этого - загляните в любое такое пособие, выбрав то, которое получше и поподробнее - не для маленьких детей, а хотя бы для подростков. Я лишь приведу несколько мест из Свв. Отцов, цитируемых Высокопреосв. Макарием (op. cit., т. 1, сс. 397-399, 537-538, 544) - не столько для Вас, ибо надеюсь, что Вы и сами сможете припасть к животворному источнику святоотеческой мысли, сколько для заинтересованных читателей, у которых хватило усердия не только проследить за ходом "диспута", но и добраться до этой части моих записок - в конце концов, с массовым духовным просвещением у нас пока довольно плохо. В своей известной работе "О Небесной иерархии" Св. Дионисий Ареопагит (а авторитет этих книг Св. Церковь всегда признавала, вне зависимости от действительной принадлежности их одноименному Мужу Апостольскому) пишет: "высшая иерархия - серафимы, херувимы и престолы, будучи особенно близки к непостижимому Существу, священноначальствует над второю, находящейся дальше" и т.п. "и высшие для низших служат тайноводителями и руководителями". Св. Афанасий Великий: "Престолы, Серафимы и Херувимы поучаются непосредственно от Бога, как высшие из всех и ближайшие к Богу; потом они поучают и прочие чины, и таким образом по порядку высшие учат низших". Св. Иоанн Дамаскин "известно, что высшие (ангелы) сообщают просвещение низшим". Наконец, Св. Иоанн Златоуст высказывает свое мнение: "Есть, поистине

ᚠᚢᚦᚨᚱᚲᚷᚹᚺᚾᛁᛃᛇᛈᛉᛊᛏᛒᛖᛗᛚᛜᛞᛟ

(продолжение. Начало в №21)

Утраченные поэмы

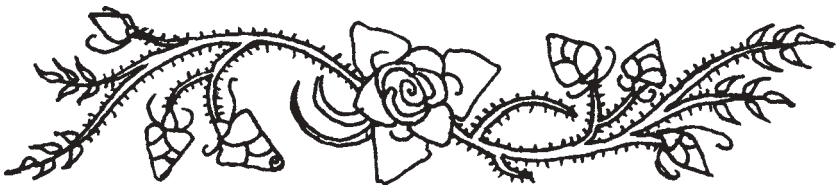
Все дело в том, что после прорыва, осуществленного Раском, Боппом и Гриммом, филология развивалась не только в фонологическом и морфологическом направлениях, т.е. не ограничивалась изучением законов звукоизменения и развития отдельных слов. Мельница исторического сравнения требовала все больше свежего материала, и одним из естественных следствий этого, помимо более пристального изучения языка вообще, стало углубленное изучение отдельных языков. Ученые стали больше интересоваться непрочитанными текстами; они научились также заметно лучше читать их и стали один за другим производить словари языков, мертвых как камень. Например, в одном месте („Пред., с.xii) Толкин рассказывает о слове *hos(e)*, зафиксированном в „Беовульфе“: оно не встречается более ни в одном из дошедших до нас древнеанглийских текстов, и о его значении пришлось бы догадываться исключительно исходя из контекста, не покажи филология, что это слово родственно древневерхненемецкому *hansa* (тот же корень присутствует в названиях „Ганза, Ганзейский союз“), означающему „свита“, или, возможно, „группа людей, связанных взаимной клятвой“. Мертвые языки предоставляли материал для сравнения; этот материал, в свою очередь, проливал свет на мертвые языки. Так, филологи научились читать по-хеттски (хеттский язык был в 1920г. опознан как индоевропейский, что имело большое влияние на изучение Ветхого Завета), по-тохарски (еще один индоевропейский язык; некогда на нем говорили степные кочевники, сегодня же он представлен в основном несколькими текстами, случайно сохранившимися в одном туркестанском оазисе); позднее ученые расшифровали также язык под кодовым названием „Линейный Б“, открытый критскими археологами. Во времена, предшествовавшие Боппу, это было бы немыслимо. Сделаны были и другие, менее громкие открытия. Крошечные осколки коттского языка, на котором к моменту его открытия говорили всего пять человек, указали на целую исчезнувшую нацию. О родственниках коттов — енисейцах — Хольгер Педерсен говорил, что они, по-видимому, являются „последними представителями некогда могущественного народа, который, имея южным соседом Тибетскую империю, правил в свое время большей частью Сибири, но в конце концов вынужден был подчиниться монголам“(33). Однако от былого величия коттов не осталось никаких следов, кроме лингвистических. Романтика этих исследований не выветрилась и сегодня. Вдохновившая когда-то Мюллера на поэтические замечания по поводу слова *duhitar*, постепенно она приобретает новый размах благодаря открытию того, что, оказывается, некоторые языковые формы, даже современные, могут иногда перенести нас в глубочайшее прошлое — например, в каменный век. Так, английское слово *hammer* — „молоток“ — обнаружило родство с древнеславянским „*камы*“ („камень“). Как ни странно, романтика становилась тем сильнее, чем обыденнее были слова, попадавшие в поле зрения исследователей.

Так, древнеанглийский, после того, как с ним поработали филологи, стал неожиданно выглядеть

совсем по-иному. Между прочим, именно филологи настояли на том, чтобы называть его не англосаксонским, а именно древнеанглийским — дабы подчеркнуть важную, по их мнению, для его понимания общность этого языка с нынешним английским. История готского языка еще драматичнее. Кое-что знали о нем и в ранние времена. Были известны такие готские тексты, как упсальский „Серебряный кодекс“(34), было известно, что готы представляли собой восточногерманское племя, которое примерно начиная с 376г. н.э. стало захватывать куски Римской Империи, что готов обучили грамоте и обратили в христианство, и что их язык, а с ним и готы как нация вымерли где-то в восьмом столетии или около того. Филология поколебала устойчивость этой картины. Во-первых, готский язык сделался внезапно не просто понятным — он наполнился жизнью: оказалось, что это — первый из германских языков, который был закреплен письменно. Для большинства филологов германистика представляла область основного интереса (поскольку большинство из них были немцами), и готский продемонстрировал им такие ранние стадии в истории развития германских языков, какие хотя и можно было предположительно восстановить на основании уже известных законов, установленных на примере других языков — „двоюродных братьев“ готского, но зафиксированы в них они не были; готский пролил на эти стадии свет, какого не могли бы пролить ни древнеанглийский, ни древневерхненемецкий. Так, например, в современном английском слово „старый“ звучит как *old,* а „старший“ — как *elder*. В древнеанглийском, в его раннезападносаксонской форме, „старый“ = *eald,* „старший“ = *ieldra*; в обоих языках „лечить“ = „*to heal“,* а „здоровый“ = „*hale*“ (и „*hearty*“). В готском этим формам соответствуют: *altheis, althiza, hailjan, hails*. Отсюда путем дедукции извлекается следующее правило: когда за *-a-* или *-ai-* в готском следовали гласные *-i-* или *-j-,* носители древнеанглийского языка еще прежде, нежели выучились грамоте, изменяли первый гласный на *e-* или *oe-*; другие гласные постигало примерно то же самое. Везде, где в готском языке за гласным следует *-i-*, в древнеанглийском (а часто и в современном английском) этот гласный обязательно изменяется.

Этот феномен, известный как „i-мутация“, превратился со временем в одну из самых популярных страшилок университетской филологии. Однако есть в нем что-то одновременно таинственное и влекущее. Оказывается, многое из того, что люди говорили и говорят, не имея ни малейшего понятия о том, почему они говорят так, а не иначе, имеет хотя и древние, но вполне определенные и на сто процентов доказуемые причины. Это уже почти генетика. Не удивительно, что Гримм назвал готский „совершенным“ языком, а Толкин признался как-то, что готский „взял его штурмом“ (EW, с.38). Следующим этапом в развитии романтической истории под названием „Готия“ стало зародившееся у некоторых ученых подозрение, что готы, возможно, вымерли еще не все. В 1560-е годы или около того некто Огьер ван Бусбег, фламандец, служивший в то время послом в Стамбуле, подслушал однажды разговор каких-то иностранцев, речь которых показалось ему в чем-то знакомой. Ван Бусбег записал некоторые слова, запомнившиеся ему из подслушанного, а в 1589г. опубликовал их. И что же, — оказалось, что неизвестные разговаривали по-готски! Язык заблудился во времени ни много ни мало на тысячу лет. Когда через несколько столетий в филологической среде проснулся интерес к готскому, ученые мужи получили ненадолго возможность потешить себя надеждой на то, что где-то и теперь еще существует живой готский язык — этакий Страшный Снежный Человек языкознания. Увы, это не подтвердилось. Но, по крайней мере, стало ясно, каким образом, укрывшись в отдаленном Крыму, готский смог просуществовать так долго. Стало также возможным заново реконструировать историю исчезнувшего народа.

Сказать, что готский язык и готский народ „преследовали“ Толкина всю его жизнь, не было бы особым преувеличением. Как отметил Кристофер Толкин („Неоконченные Сказания“, с.311), имена вождей, которые правили Рохирримами до того, как к власти пришла династия Эорла, — не древнеанглийские, как все прочие имена в культуре Всадников, но готские — Видугавия, Видумави, Мархвини и т. д. (см. „Властелин Колец“, т.III, с.26)(35). Эти имена понадобились Толкину, чтобы намекнуть: изначально, дескать, Всадники говорили на другом, более древнем наречии, а изображаемой эпохе предшествовала иная — филологи так часто сталкивались с этим! Если брать шире, можно привести такой пример: описанная Толкином во „Властелине Колец“ битва на полях Пеленнора(36) очень напоминает знаменитую битву на Каталаунских полях(37), описание которой можно прочитать в „Истории готов“ Иордана(38). В этой битве цивилизация Запада тоже сражалась против „нашествия с востока“ и устояла, а готский король Теодорих



был затоптан собственной победоносной конницей и умер почти в таком же ореоле скорби и славы, как Теоден(39) Толкина. Но, возможно, яснее всего проговаривается Толкин о своем отношении к готам в письме к сыну Кристоферу, которое было написано в связи с докладом о героях северных легенд, прочитанным Кристофером в 1958г. в Оксфорде. В письме Толкин, тоже присутствовавший на чтении, хвалит доклад сына в том числе за то, что в нем история и некоторые исторические персонажи предстают в новом свете, но в конце добавляет: „...Однако тут-то мне и стало ясно, что я все-таки чистый филолог. Я люблю историю, и она глубоко меня затрагивает, однако для меня лучшее, что в ней есть — это то, что помогает найти объяснение для слов и названий! Некоторые слушатели (и скажу сразу, что я с ними согласен) сказали мне, что их привело в особенный восторг то, с каким искусством поведал ты о возлежащем на ложе Аттиле с его глазами-бусинками; Аттила получился у тебя прямо как живой. Но, как ни странно, я обнаружил, что не эта сцена по-настоящему волнует меня, а упомянутое тобой походя соответствие слов *atta* и *attila.* Без этих нескольких слогов вся драма, и историческая, и легендарная, теряет для меня вкус“ (П, с.264).

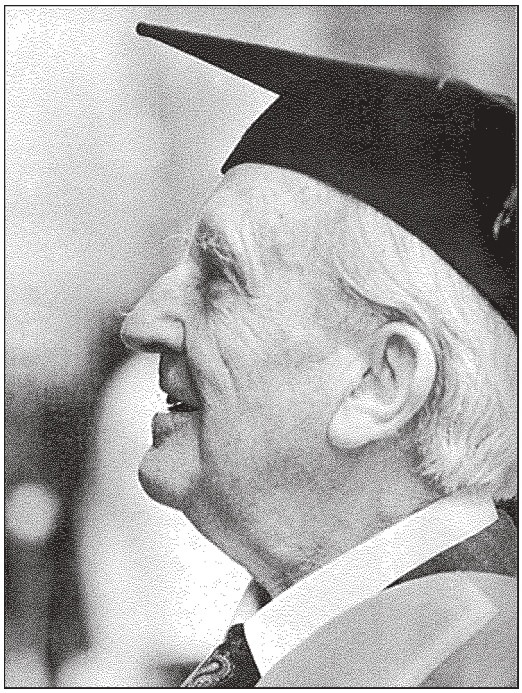
Дело в том, что гунн Аттила, враждовавший с готами во времена Теодориха, тот самый Аттила, чье имя стало нарицательным для обозначения кровавой свирепости, — носил, по всей видимости, отнюдь не варварское имя! „Аттила“ — это уменьшительная форма от готского слова „отец“, „атта“; стало быть, имя „Аттила“ означает „батюшка“, „батька“ или даже „папаша“ и указывает на то, что в победоносных армиях Аттилы служило, по всей вероятности, немало готов, которые находили добычу и успех на поле брани гораздо более привлекательными, нежели разговоры о спасении Запада, Рима или цивилизации вообще! Как и в случае со словом *„duhitar“* — „маленькая доярка“ — или словом *„камы*“, родственным слову *„hammer*“, это имя уже само по себе рассказывает целую историю. Далее в цитируемом письме Толкин говорит, что на основе отдельных слов и создавался „Властелин Колец“, и именно с опорой на отдельные слова шла работа над ним. Толкин не составлял никакого предварительного плана — он просто пытался „создать такой контекст, в котором обычное приветствие звучало бы как *„элен сила лумэнн омэнтиэлво“*. Литературные критики могут не поверить ему, но филологи (если таковые еще остались) должны понять, о чем идет речь.

Atma, Аттила; что несет в себе имя? Один из ответов на этот вопрос звучит так: имя чревато тотальной переоценкой истории. Поучительно взглянуть на старые и новейшие издания книги Эдварда Гиббона „Закат и падение Римской Империи“ (первое издание вышло в 1776—88гг.). Благодаря множеству греческих и римских историков, а также Иордану, Гиббон знал о готах, но доступа к другой информации у него не было, — да он и вообразить себе других источников не смог бы. „У неграмотных варваров, с их частыми и дальними переездами с места на место, — отмечает он со всем высокомерием, присущим классической образованности, — память о былых событиях не могла сохраняться долго“ (гл.26). О великом готском короле IY столетия Германарике Гиббон говорит: „Имя Германарика почти полностью погрузилось сегодня во мрак забвения“. Однако оно не осталось во мраке забвения навсегда. Оно всплыло, и вполне узнаваемо — прежде всего в „Беовульфе“ (эта поэма была впервые опубликована только в 1815г.), под видом *„Эорме(а)рик“*. То же самое имя, принадлежащее тому же самому историческому деятелю, упоминается в древнеанглийских стихотворениях „Деор“ и „Видсид“, но уже обрамленное небольшими историями(40). В форме *„Эрменрих“* это имя перешло в средневерхненемецкие поэмы „Побег Дитриха“ („Dietrichs Flucht“), „Смерть Альфарта“ („Alpharts Tod“) и многие другие. Однако самую заметную роль *Jormunrekkr* (Ермунрекк) играет — в качестве одного из главных героев — в древнескандинавских песнях „Старшей Эдды“, эпической поэмы, которая до 1640г. пролежала незамеченной в доме исландского фермера и была полностью опубликована только в 1818г. благодаря заботам Расмуса Раска. „Неграмотные варвары“ оказались не такими забывчивыми, как полагал Гиббон. По крайней мере они умели запоминать имена, и даже хотя эти имена подвергались тем же звуковым изменениям, что и обычные слова, ни один поэт древности никогда не позволил бы себе произвести на свет что-либо настолько фальшивое, как „Германарик“ Гиббона. Исходя из совместного свидетельства старых английских, исландских и германских поэм, можно даже узнать, как звучало настоящее имя короля, хотя в настоящем своем варианте — готском — оно нигде зафиксировано не было: *„Айрманарейкс“.*

И здесь, как в случае с „Аттилой“, имя щекочет нервы и разжигает любопытство, хотя, возможно, следы этих филологических страстей так глубоко погребены в примечаниях редакторов и заключительных фразах научных работ, что их можно и проглядеть. Рассказы о смерти Германарика очень отличаются друг от друга. Римский историк утверждает, что король готов покончил самоубийством около 375г. по Р.Х. из страха перед гуннами. Иордан рассказывает историю посложнее; в ней речь идет о предательстве, наказании и отмщении. Древние скандинавские песни, более жестокие и менее обезличенные, настаивают на том, что на „Ермунрекка“ напали его зятья, чтобы отомстить за убитую королем готов их сестру, то есть свою жену. Готы с трудом одолели зятьев (забросав их камнями, так как другое оружие не могло причинить им вреда), но те успели отомстить; правда, Ермунрекк остался жив, но лишился рук и ног т.е. превратился в живой труп, „хеймнар“. Эта последняя история выглядит совершенно неправдоподобной. Однако в некоторых

деталях она отчасти соответствует Иордану. Возможно, коллапс готской империи в четвертом веке нашей эры действительно сопровождался какими-то из ряда вон выходящими, исполненными трагизма событиями. Для филолога, сравнивающего версии, особое наслаждение кроется в попытках угадать: что за странные цепочки превращений, какие причуды народных пристрастий превратили короля в разбойника и негодяя? Может быть, побежденные готы решили сделать из него козла отпущения? А может быть, его ославили как женоубийцу, чтобы замять вину готов, которые переметнулись к врагам и присоединились к „кочевникам с востока“(41) — к тем, кто величал короля гуннов „папашей“? Может быть, это крымские готы напели скандинавам из варяжской стражи, служившим при дворе греческого императора, песню об Эрманарике? Толкин пристально следил за всеми исследованиями по этому вопросу; например, он регулярно приобретал, по мере их выхода в свет, отдельные книги многотомного издания Германа Шнейдера „Германская героическая сага“, выходившего в 1928-1934г.[1] , а в 1930г. заявил (OES, с.779-80), что у него студенты изучают готский не только ради постижения законов звукоизменения, но и „в качестве главного источника поэтического вдохновения, которым он был для древних англичан и скандинавов“. Как сказал Толкин в выше процитированном письме, легенды о героях увлекательны и сами по себе, но в то же время они представляют собой материал для „рациональной и точной науки“.

Филология пролила свет в глубину Темных Веков. Естественно, те места из Гиббона, где речь шла о готских вождях, приходилось теперь переиздавать с осторожностью (новое издание, пересмотренное Дж.В.Бэри, вышло в 1896г.). Но академические предшественники Толкина не смогли вовремя заметить, что причина упадка их предмета кроется в чересчур широком размахе филологического воображения; и это симптоматично. На одном полюсе филологии находятся умозаключения, выведенные учеными на основе *буквы* языка; этим ученым не приходилось особенно гадать, кто автор того или иного текста — гот, лангобард, западный сакс, обитатель Кента или нортумбриец: отразившиеся в тексте звукоизменения не оставляли места для ошибок. На другом полюсе — готовность филологов в категорическом тоне судить о том, существовали ли в действительности тот или иной народ или империя, на основании исключительно поэтических традиций и области распространения тех или иных наречий. Филологи находили для себя полезные сведения и романтику в любых древних песнях или обрывках древних текстов. Так, уже много



столетий известно, что „Lex Burgundiorum“(42) короля Гундобада открывается списком венценосных предков этого монарха: Гибика, Гундамар, Гислахариус и Гундахариус. Понадобилась филология, чтобы отождествить первого, третьего и четвертого с Гернутом, Гизельхером и Гунтером германского эпоса — „Песни о Нибелунгах“(43). В то же самое время стало очевидным, что в эпосе заключалось зерно исторической правды: в 430-х годах нашей эры гунны действительно разбили в пух и прах бургундского короля и всю его армию (как мимоходом отмечал еще Гиббон), некоторые реальные исторические лица действительно носили некоторые из упоминаемых в эпосе имен, а с V до XII столетия действительно существовала непрерывная поэтическая традиция, несмотря на то, что большинство из порожденных ею произведений исчезло прежде, чем их записали. В своих собственных лирических произведениях, написанных в VI веке, Сидониус Аполлинарис, епископ Клермонтский, с отвращением упоминает о бургундских песнях. Гиббон называет его „ученейший и красноречивейший Сидониус“. „С какой радостью отдали бы мы сегодня все его стихи за десять строчек из тех песен, в которых эти „длинновласые, семифутовые, лук поядающие варвары“ славили, возможно, щедрость Гибики или повествовали о том, как пали в последней страшной битве их отцы, сражаясь бок о бок с Гундахариусом“, — куда более кисло писал о Сидониусе Р.У.Чэмберс(44). Это изменение взгляда на вещи служило признаком огромного, хотя и непродолжительного, сдвига поэтических и литературных интересов от классики к фольклору. Это изменение показывает также, почему филология представляется некоторым „благороднейшей из наук“, „ключом к духовной жизни народа“ и „чем-то гораздо более великим, нежели никуда не годное смешение языкознания и литературы“.

“Реконструированная реальность“

Как бы то ни было, поэтические творения Сидониуса сохранились, а бургундский эпос — нет. В голове у многих ученых постепенно формировалось видение огромной германской империи, простиравшейся некогда от Балтийского до Черного морей, но павшей под натиском гуннов и рассыпавшейся на отдельные поселения на обширном пространстве от Швеции до Испании. Однако это видение балансировало на самом краю освещенного круга, никак не даваясь в руки. „Злая судьба не пощадила почти ничего... из поэтических памятников, которые были достоянием восьмого, седьмого и более ранних столетий“, — жаловались Якоб Гримм и его брат Вильгельм(45). „Печально говорить об этом, — вздыхал Аксель Ольриге, — но древняя „Бьяркамаль“, любимейшая и чтимейшая песнь Севера, в своем первоначальном виде нам неизвестна“(46). „Увы утраченным преданиям, анналам и древним поэтам,“ — писал Толкин, имея в виду Вергилия, но, по аналогии, одновременно те источники, которыми питалась поэма „Беовульф“(47). Гудбранд Вигфуссон и Ф.Йорк Пауэлл, которые в 1880-х годах редактировали „Corpus Poeticum Boreale“ — полный сборник поэзии Севера — оглядываясь на прошлые века, видели „пажити науки о Севере“ в виде „обширной равнины, покрытой сухими костями“[2], по которой туда-сюда бродят „люди, изо всех сил старающиеся привести эти кости в порядок, складывая череп к черепу, бедро к бедру, но не надеясь на чудо и даже не думая о дохновении духа, которое могло бы сотрясти эту равнину и призвать бессмертных мертвецов к пробуждению“(48). Но, несмотря на то, что филология все же вдохнула жизнь в сухие кости старинных поэм и наполнила историю отголосками забытых битв и воспоминаниями о забытых империях, существовал предел, дальше которого она пойти не могла. Можно было научиться понимать древние языки, можно было издать древние поэмы и снабдить их комментариями, однако живых носителей этих языков взять было неоткуда. Кроме того, сохранились, как правило, не те поэмы, которые филологам хотелось бы прочесть больше всего.

Именно поэтому характерным для филолога занятием стала в конце концов „реконструкция“ древностей. Для начала взялись за несохранившиеся древние слова. Из того обстоятельства, что и в английском, и в немецком языках корневой гласный в слове *man* во множественном числе изменяется (соответственно, *men* и *Männer*), можно было заключить, что в прагерманском языке, от которого до нас не дошло ни единого слова, это множественное число звучало как **manniz*, что породило, как и всегда в

подобных случаях, „i-мутацию“. * — „астериск“, знак реконструированной, гипотетической формы — был предложен в 1860-е годы Августом Шлейхером(49) и с тех пор получил широкое распространение. На более высоком уровне возможной оказалась и реконструкция целого языка. Сам Шлейхер взялся даже как-то раз написать маленькую басню на „индоевропейском языке“ — том самом „общем предке санскрита, латыни и греческого“, о существовании которого догадывался еще сэр Уильям Джонс. „*Авис, йасмин варна на а аст, дадарка аквамс*“, — так начинается эта басенка: „Овца, у которой не было шерсти, увидела однажды лошадь...“. На коллег Шлейхера большого впечатления это творение не произвело; уже несколько лет спустя (все это происходило в 1870-е годы) исследователи Вернер(50), Бругманн(51) и де Соссюр подтолкнули Х.Хирта(52) на то, чтобы составить исправленную версию этой басни. „Ни один язык не изменялся в 1870-е годы быстрее, чем праиндоевропейский“, — шутили филологи(53). Однако сам метод не подвергался серьезным сомнениям. Критиковались только результаты, полученные с помощью этого метода. А в промежутке какой-нибудь исследователь мог внезапно почувствовать, что ему хочется по-иному переписать тот или иной реально существующий древний текст. В древнеанглийских гномических стихах(54), называемых обычно „Гномы I“, есть такая строчка: „*Eorl sceal on eos boge, worod sceal getrume ridan*“, — „эрл скачет на лошади, военный отряд — в строю“. Однако большинство военных отрядов в древнеанглийской истории были пешими, к тому же слово *worod* выпадает из системы поэтических аллитераций(55). Здесь должно было бы стоять слово *eored,* заявляет редактор. Это слово означает „кавалерийский отряд“ и находится в родстве со словом *eoh* — „лошадь“ (ср. лат. *equus*). Правда, это слово встречается в других древнеанглийских текстах только дважды, и только один раз употреблено правильно: по-видимому, ко времени написания сохранившихся текстов и слово, и сама идея перестали быть привычными. Но препятствий этот факт не создает. Пост-филологический редактор вполне может допустить, что он знает больше, чем древний книжник, писец, а то и сам поэт (причем его, редактора, знания выше качеством). Есть и еще одна причина — скажем, редактор, который мыслит так же, как мыслил Толкин, может в один прекрасный день почувствовать, что достиг с авторами „Беовульфа“, „Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря“ или „Рассказа мажордома“(56) особого, знающего понимания. Если это действительно так, то даже современники поэта не смогли бы понять его так глубоко, как этот редактор и уж, конечно, методами прямолинейной литературной критики такого понимания достичь невозможно.

Примеры можно умножать почти до бесконечности. Никак нельзя обойти вниманием тот факт, что за последние сто лет сутью и ядром изучения „Беовульфа“ было изучение истории о „падении дома Скильдингов“, которую, так уж получилось, ни сам поэт, ни какой-либо другой древний писатель так и не позаботились прояснить, но которая была „реконструирована“ очень подробно (и, на мой взгляд, совершенно убедительно) рядом ученых вплоть до Р.У.Чэмберса. Но главное во всем этом вот что:

1) Тысячестраничия „сухих как песок“ теорем о языковых изменениях, звуковых сдвигах и степенях аблаута были, по разумению большинства филологов, существенной и естественной базой для гораздо более волнующих спекуляций на тему широких равнин „Готии“ и тайных торговых путей через первобытные леса Севера, „*Myrkvidr inn okunni*“ — „бездорожный Мирквуд“[3] . Одного без другого достигнуть было никак нельзя, это было исключено.

2) Несмотря на кажущуюся шизофрению, которой, на первый взгляд, страдала эта наука, и на решимость ее приверженцев ничего не упрощать, филология была в свое время „режущим краем“ всех „мягких“ или „бихевиористических“ наук — литературы, истории, социологии и антропологии, вместе взятых. Именно поэтому она привлекла на свою сторону таких серьезных последователей, а Якоб Гримм, например, мог надеяться выгодно продать массовому читателю свой словарь — „Wörterbuch der deutschen Sprache“ — как будто это была какая-нибудь развлекательная книга.

3) Во всем этом процессе филология, возможно, несколько подзабыла, где проходит граница между воображением и действительностью. Все вело к тому, чтобы „реконструированную реальность“, — то есть, то, что уже перестало существовать, но с вероятностью до ста процентов могло быть восстановлено на бумаге, — начали принимать за реальность подлинную.

4) В некотором смысле, отсутствие наиболее желанных объектов изучения уже само по себе порождало романтические порывы. Если бы мы обладали утерянными готскими „песнями об Эрманарике“, мы, возможно, оценили бы их не слишком высоко; мы могли бы найти, что они несовершенны, грубы или жестоки. Вполне возможно, что первая версия „Песни Нибелунгов“ (созданная на еще не остывшем пепелище бургундского королевства) была не более чем попыткой поэта немного развеселить себя. Однако этих поэм больше не существует. Они обречены вечно маячить на самой границе освещенного круга, и это делает их только более желанными, а ссылки на них, попадающиеся в других текстах, только сильнее щекочут нервы. Существует книга под названием „Утраченная литература средневековой Англии“ (написанная Р.М.Уилсоном). По-видимому, Толкин часто перечитывал эту книгу (см. прим. к с.151, ниже). Если бы существовала книга под названием „Утраченная литература раннего европейского средневековья“, то одно название этой книги причиняло бы такую боль, что и словами не выразить. Под ее обложкой уместилось

бы достаточно много материала. Например, лучшее, что написано о короле Артуре — это не те долгие и подробные истории, которые рассказываются в поэмах позднего средневековья, а случайные, разрозненные строчки, которые можно встретить в почти нарочито неинформативных валлийских трехстишиях — например, вот в этом трехстишии из „Черной Книги Кармартэна“:

Bey y March, bet y Cuyther,
bet y Gugaun Cledyfrect;
anoeth bid bet y Arthur.

(„Есть могила Марха, есть могила Гвитхура, есть могила Гугауна Красного Меча; но чудо для мира — могила Артура“)(57).

Что касается древнеанглийской поэзии, то мне кажется, что для Толкина самыми волнующими были строки даже не из „Беовульфа“, а из не полностью дошедшей до нас поэмы „Вальдере“(58), где незнакомец напоминает „отпрыску Эльфхере“ о том, что его меч был сперва подарен Теод/о/риком герою по имени Видья, за то, что „его он вызволил /из плена, сын Веланда, —/и край великанов/ покинул Теодрик“(59). По-видимому, из этого отрывка можно заключить, что когда-то в раннем средневековье существовала легенда о том, как король готов Теод/о/рик (*Тиудорейкс) был похищен великанами, которые забрали его в свою страну, но, после многих приключений, король был вызволен из плена своими верными приспешниками — Видьей и Гильдебрандом. Зачем понадобилось великанам похищать Теодрика, где и как жили эти великаны, в каких отношениях были они с человечеством? Когда-то давным-давно ответы на эти вопросы были, по-видимому, известны очень многим людям. История с похищением дошла до нас, сильно выродившись, в составе корпуса средневековых немецких поэм („Das Eckenlied“, „Sigenot“, „Laurin“ и других) в виде крайне дразнящего отрывка большой средневековой поэмы, целиком посвященной именно этой теме. Этот отрывок вкраплен в скучную проповедь смирения:

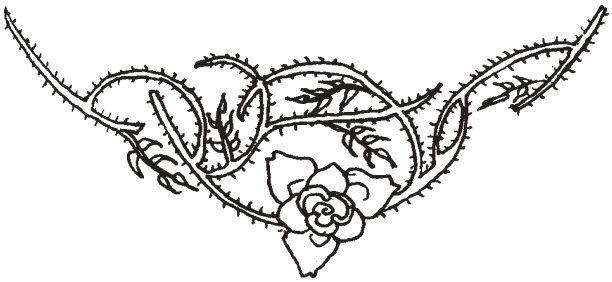
Summe sende ylues, and summe sende nadderes,
summe sende nikeres, the bi den watere uunien.
Nister man nenne, bute Ildebrand onne.

(„Одни послали эльфов, другие — змеев,
Третьи — морских чудищ, что под водой рыщут;
Никто не знал их, опричь Гильдебранда“).

Как звучала она на древнеанглийском — эта поэма, повествовавшая не о чудовищах, которые нападают на людей, как в „Беовульфе“, а о людях, которые сами проникают в глубь мира чудовищ, то есть отправляются искать приключений не куда-нибудь, а прямо на „Плато Огров“?(60) Однако судьба похитила у нас надежду когда-либо прочесть эту поэму и погрузила вожделенный текст в пучину окончательного (или почти окончательного) забвения.

Примечания:

1. Эти книги, надписанные владельцем, хранятся в Тэйлорианской библиотеке Оксфорда.
2. Образ позаимствован из Библии, из книги пророка Иезекииля: „...и вот весьма много их <костей> на поверхности поля, и они весьма сухи... Я изрек пророчество... и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею... и кожа покрыла их сверху, а духа не было в них... и я изрек пророчество... и вошел в них дух, и они ожили, и стали на ноги свои“ (37: 2, 7-10). — М.К.



Bodleian MS.Tolkien 81 (VIII) fol.15r (c)1995 The Tolkien Trust